

— Ты! Ну и... зануда же ты, — Цзяньбин стиснул зубы, изо всех сил стараясь не замечать тепла, подступившего к глазам.

— Нынешнее положение дел для нас крайне невыгодно... — Лингуан медленно прикрыла глаза, а затем резко распахнула их. В её узких, как у феникса, глазах, где прежде таилась лишь нежность, теперь застыла решимость. — Похоже, иного пути нет...

Цзяньбин сразу понял, о чём она, и тут же выпалил:

— Нельзя! Нирвана с древних времён — это девять смертей на одну жизнь, дело невероятно опасное. Тебе не стоит так рисковать!

Лингуан покачала головой:

— Чжунюнь подготовился к этому походу. Чтобы не дать нам применить хитрость, Мэнчжан и Чжимин вынуждены охранять северо-восточные рубежи и не могут прийти на помощь. Здесь только мы двое, как я могу позволить тебе снова оказаться в смертельной опасности... — она заговорила слишком поспешно, дыхание сбилось, и её душил сильный кашель.

Чанли, о, Чанли...

Цзяньбин протянул руку, чтобы помочь ей перевести дух. Помолчав немного, он глухо произнёс:

— ...Ты всё обдумала?

— В момент перерождения прольётся Огонь Бедствия, он сможет сдержать их на какое-то время... кх-кх... только так я смогу быстрее восстановиться и положить конец этой катастрофе.

Цзяньбин молчал, не сводя глаз с Лингуан. В её взгляде, обычно мягком, как весенний ветер, сейчас горела такая решимость, какой он никогда не видел. Что ж...

— Хорошо. Я буду держать оборону здесь.

Ступай, я прикрою тебя, я буду стоять до тех пор, пока ты не вернёшься к жизни.

Горы стояли неколебимо, ветер и дождь обрушились на землю. Лингуан взглянула на сумрачный небосвод, медленно обернулась фениксом и с громким криком взмыла ввысь.

— Сквозь круговорот времён, в охват небес и земли, смертью в жизнь возвращаюсь, Огонь Бедствия, открой свои врата!

Золотая корона вновь воссияла на голове птицы. Лингуан парила под небесами, взмахивая крыльями, и с кончиков её перьев срывались тысячи лучей красного света. Свет превращался в пламя, обрушиваясь на землю дождём!

Лингуан высоко вскинула голову, словно взирая на всё живое свысока:

— Чжуянь, жди! Когда я перерожусь и вернусь на небеса, наступит твой черёд рассыпаться в прах, и дух твой, и тело исчезнут навсегда!

С этими словами она развернулась в полёте, и её крик сотряс небеса. Везде, где она пролетала, вспыхивал огонь! Демонический дождь, сотворённый водой Кань, больше не мог буйствовать — тучи сгорали одна за другой. Стоило фениксу трижды обернуться, как сумрачное небо превратилось в пылающее море!

— Свет и тьма, разрушение и созидание, смерть и жизнь, поражение и успех — пройдя сквозь небеса и землю, я изменю сияние!

Феникс купался в огне. Золото-красное оперение Лингуан постепенно становилось ярко-алым. Расправив длинный хвост и широкие крылья, она кружила в море огня, словно желая сжечь остатки своей жизни, чтобы дописать эту последнюю, самую величественную и прекрасную главу бедствия!

Наконец, прощальный крик, знаменующий конец, пронёсся над миром. Цзяньбин в оцепенении поднял голову, но уже не нашёл в облаках красной тени. Горячая влага наконец пролилась на его щёки.

Феникс перерождается, Огонь Бедствия открывает врата!

Огонь Бедствия — это пламя, способное сжечь всё дотла. Его не погасить водой, ничто не устоит перед ним. Всё, к чему он прикасается, превращается в пепел. Это поистине карающая сила, способная уничтожить небеса, землю, богов и демонов!

В одно мгновение ветер стих, дождь прекратился, а Огонь Бедствия посыпался с неба тысячами искр!

— Что? Нирвана?! — Чжуянь был в ужасе. Забыв о своих ранах, он заметался в поисках укрытия и заорал во всю глотку: — Уходите от огня!

Огонь Бедствия был беспощаден, он пожирал всё на своём пути. Цишань превратилась в море пламени, отовсюду доносились крики и стоны.

Холодным взглядом наблюдая за вражеским войском, которое несло огромные потери, Цзяньбин указал мечом вперёд:

— Воины, слушайте мой приказ! Построиться! Уничтожить врага!

Гром, подобный небесной каре, прокатился над землёй, сотрясая гору Цишань. Стоило прозвучать приказу, как небесное воинство отозвалось единым кличем, тысячи коней заржали в унисон. Эта мощь повергла в трепет демонов и зверей, прячущихся в огненном море.

Долина Чжунцзян.

Осенние цветы не так пышны и ярки, как весенние или летние. Они либо одиноко цветут на ветвях под лунным светом, либо скромно жмутся к берегам холодных рек.

Су Фанму переделалась в абрикосовое платье, взяла бамбуковую корзинку и ступила на траву, покрытую тонким слоем утренней росы, тщательно выбирая цветы для сегодняшней работы. Какую бы боль ни таило сердце, жизнь продолжалась — смертные не могли позволить себе быть слишком своенравными. Пока она предавалась этим мыслям, её взгляд внезапно упал на ярко-красный кусок ткани.

— Это что... красный шёлк? — Су Фанму подумала, что кто-то из деревенских девушек Аньнин его обронил. Она хотела поднять его, но внезапный плач заставил её отпрянуть. Су Фанму, приложив руку к груди, заглянула под ткань: та была наполовину сдвинута крошечной белой ручкой, обнажая пухлого, словно тесто, младенца.

— Ох! Чья это малышка? Как она оказалась в такой глуши? — Су Фанму была поражена. Девочка выглядела ровесницей её сестры. Неужели! Она поспешила подойти и осторожно откинула шёлк. Перед ней предстал ребёнок, словно выточенный из белого нефрита. На малышке была ярко-красная кофточка с вышитым узором, напоминающим длинные перья. Пухлое личико, розовые щёчки — вылитый персик.

— Проснись, проснись? — Су Фанму увидела, что девочка затихла после плача, и сердце у неё сжалось — неужели умерла? Она торопливо протянула руку, чтобы проверить дыхание. — Фух, слава богу, просто спит. — Су Фанму смотрела на её безмятежное лицо, и на душе стало радостно. Солнечный свет падал на крошечные щёчки. Малышка спала так крепко и беззаботно, ещё не зная людских страданий и того, что ждёт её в будущем...

— Мн... мн? ...А...

Пока Су Фанму витала в облаках, девочка уже открыла глаза и теперь во все глаза, с каким-то восторженным выражением, смотрела на неё.

— Ты проснулась? Чья ты дочка? Как ты оказалась здесь, в долине Чжунцзян? — придя в себя, ласково спросила Су Фанму.

Малышка, казалось, не понимала её слов, лишь хлопала глазками. Её большие глаза были слегка приподняты к вискам, а во взгляде светился ясный, чистый свет.

— Почему ты не отвечаешь? Неужели... ты немая? — Су Фанму почувствовала укол жалости. Такая прелестная кроха — и немая. Неужели родители поэтому бросили её? Только она успела об этом подумать, как девочка подала голос:

— Ты фея с Яочи?

— Э? Что? — Су Фанму решила, что ослышалась. Фея с Яочи? Станный вопрос. Если бы она была феей, разве оказалась бы в таком положении?

Не дождавшись ответа, малышка продолжила:

— Чья ты фея?

Эта девочка что, переслушала сказок? Всё феи да феи. Глупенькая, неужели... она слабоумная? Поэтому её и бросили?

Подумав об этом, Су Фанму решила проверить:

— Можешь сказать, как тебя зовут? Где твои родители? Я отведу тебя домой.

Малышка, словно не понимая вопроса, перебирала пальчиками и тихо пробормотала:

— Чанли...

— Чанли? Это твоё имя? — неужели её действительно бросили родители?

— М-м...

Золотистый осенний ветер пробежал по долине. Цветы гибискуса раскрывали бутоны, благоухали османтусы. Под морем цветов одна сидела, другая лежала, обмениваясь вопросами и ответами. Лёгкий ветерок, словно грёза о цветах.

С этого момента она забыла о боли, что терзала её ночи напролёт.

С этого момента она забыла о хаосе в Цишань и о том, что творилось в мире.

Лучше этого момента не было ничего на свете.

— Чанли, иди сюда, я приготовила костный бульон, — Су Фанму погасила огонь, разлила горячий, ароматный суп по белым фарфоровым пиалам и поставила на стол. Чанли уже давно ждала, сжимая в пухлой ручке слишком большую для неё ложку, и, как маленький голодный котёнок, нетерпеливо хлопала глазами.

Су Фанму смотрела, как Чанли неуклюже ест, и её сердце таяло, словно весенний лёд. Прошло всего несколько месяцев с тех пор, как пропала Иньэ, но для неё это время тянулось как годы. И вот теперь девочка того же возраста сидит за столом и ест суп, который она приготовила своими руками... Это чувство было сродни возвращению из другой жизни...

Интересно, где сейчас Иньэ? Страдает ли она, холодно ли ей, может ли она так же радостно есть горячий суп?

— Ты... не плачь... не плачь... — Чанли, сама не зная когда, отложила ложку и, придвинувшись ближе, начала своими маленькими, испачканными в супе ручками вытирать слёзы на лице Су Фанму.

Слёзы-то она стёрла, но лицо теперь было в остатках супа.

Когда Су Фанму увидела на столе обглоданную кость, сложенную в форме цыплёнка, к которой даже не притронулись, её нежность мгновенно улетучилась. Тело словно сковало льдом. Она в изумлении смотрела на испорченный суп, не веря своим глазам... Она ещё не знала, что это только начало...

— Фанму, твоя Чанли сегодня растоптала мой сушёный османтус! Ой, как же я теперь сделаю масло, которое заказал гость...

— Ой, Фанму, этот маленький дьяволёнок сегодня снова побил нашего Эр Хуцзы!

— Госпожа Су, ваша Чанли сегодня выдернула учителю последние волосы, которые он так бережно растил.

— Девушка из семьи Су, почему в партии товара, которую ты прислала в прошлый раз, было столько странной сушёной рыбы? Весь запах румян испортила!

— Фанму...

— Чанли, выходи немедленно! — всегда мягкая Су Фанму наконец потеряла терпение и выкрикнула самые гневные слова в своей жизни.

Чанли стояла под бамбуковой занавеской, заложив руки за спину и выпятив грудь, как маленький старик. За три года она заметно подросла, уже доставала Су Фанму до пояса. Прежняя наивность исчезла, а врождённая озорная натура начала проявляться в полной мере.

Сейчас она стояла, делая вид, что ей всё нипочём, хотя дрожащие ножки выдавали её страх.

Су Фанму вытянула дрожащий палец:

— Как я могла подумать, что ты слабоумная? А? Ты... ты просто доводишь меня до белого каления! — всегда почтительная к старшим и добрая к сестре, Су Фанму не могла подобрать других слов, кроме как «доводишь до белого каления».

Она подскочила к Чанли, замахнулась, чтобы щёлкнуть её по голове, но побоялась поранить. В отчаянии она опустила руку, снова подняла и, дрожа от гнева, отчитывала:

— Я тебя чему учила?! Я говорила тебе ходить к учителю, чтобы учиться грамоте, а ты вместо уроков издеваешься над ним! Я просила возвращаться пораньше, а ты мало того что приходишь затемно, так ещё и лезешь в драки с другими детьми и калечишь их! Ты такая непослушная, я... я... — Су Фанму трясло так, что она не могла продолжать.

— Почему ты молчишь?! — Су Фанму в ярости всё-таки щёлкнула её по лбу, стараясь рассчитать силу. — Объяснись! Ты молчишь, потому что дуешься на меня?!

— Нет...

— Надула губы, значит, не признаёшь вину?

— Признаю...

— Говори! Ты поняла, в чём была неправа?

— М-м... поняла... — Чанли продолжала дуться.

— Хм, раз поняла — хорошо, — Су Фанму немного успокоилась и села на стул. — Рассказывай, в чём именно ты провинилась?

— Я виновата в том, что не побила его так сильно, чтобы он не посмел жаловаться матери!

<http://bllate.org/book/19783/1949575>